

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
МАКСИМЕНКО

Скифия — родина Русов

Юрий Максименко
Скифия – родина Русов

«Издательские решения»

Максименко Ю. В.

Скифия – родина Русов / Ю. В. Максименко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969995-4

В данном исследовании попытаемся показать реальную историю скифов, что развеет весь тот туман от академической науки, в котором она пытается скрыть реальные сведения о народах Скифии, чтобы не дать нам, русским, познать свои истинные корни, чтобы мы по-прежнему считали пресловутого Рюрика и только его своим родоначальником.

ISBN 978-5-44-969995-4

© Максименко Ю. В.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава 1 НАЧАЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О СКИФАХ	12
I. Академическая наука о скифах	12
II. О древности скифов	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Скифия – родина Русов

Юрий Владимирович Максименко

© Юрий Владимирович Максименко, 2019

ISBN 978-5-4496-9995-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«На Волге славяне и арьи селились не ранее V – IV тыс. до н.э., придя туда из приполярных областей и в значительной мере продолжая сохранять сложившиеся задолго до этого добрососедские (не исключено, что и родственные) связи и поддерживая основы того, что исследователи называют культовым единством».

Р. Санкритьяяна, санскритолог

Введение

Для понимания не только прошлого, но и будущего нашей страны, нам всем полезно знать историю загадочных скифов. Почему загадочных? Потому что учёные так толком ничего и не говорят: кто они, откуда взялась и куда исчезла эта «группа народов», которая, как утверждается, 3 тысячи лет назад проживала на территории современной Восточной Европы, Средней Азии, Казахстана и Сибири, и эту территорию называли Великой Скифией. Широко распространено мнение официальной науки, относящее её к ветви древних иранских народов, откуда-то пришедших в степь к северу от Ирана приблизительно в 1 тыс. до н. э. Скифский язык классифицируется, как один из восточных иранских языков. Основными источниками по истории происхождения скифов являются сочинения античных авторов, главное из которых «История» грека Геродота Галикарнасского, жившего в 5 в. до н.э., который, в основном, описывает скифов Северного Причерноморья. С названием народа тоже не всё понятно. Считается, что скифы – это греческое название, а сами они себя называли скелотами, которое историки вывели от иранского «*skula-ta*», что означает лучники. *И что удивительно, этот бред, не имеющий к скифам никакого отношения, по-прежнему считается официальной точкой зрения «нашей» академической науки...*

Рис. 1

Однако осталось ещё достаточно не уничтоженных свидетельств того, что скифы воевали с Древним Египтом, основывали мощные государства в Месопотамии, Центральной Азии, Палестине, Индии и Китае, что почти весь континент Евразия, вплоть до Заполярья, 5 тысяч лет назад был занят огромной империей – Великой Скифией. Вспомним хотя бы, что сравнительно недавно люди знали, что в древности Ледовитый океан назывался Скифским. Например, на карте Скифии и Серики Кристофера Селлариуса (*Christopherus Cellarius*), изданной в 1703 в Германии, на которой можно увидеть древнее название реки Волга – РА (*Rha*) слева

и Гиперборейский или Скифский океан вверх (рис.1). Кроме того, сейчас стали широко доступны результаты археологических раскопок, и мы теперь можем увидеть внешность скифов и воочию убедиться, что ничего иранского, читай восточного, в их внешности и близко нет. У скифов мы видим черты белой расы, более того – это черты современных русских людей, и сейчас проживающих на территории России.

В скифских курганах найдены сотни скифских золотых предметов с изображёнными на них скифами. Ниже вы видите скифов на золотой пекторали – нагрудном княжеском украшении из кургана Толстая Могила (Днепропетровская обл. Украина).

В нашем распоряжении имеются изображения конных скифов: на концах золотой гривны – шейного украшения, сцена воинского братания скифов на золотой пластинке, располагавшейся в нижней зоне одежды погребённого, скиф на вазе из кургана Куль-Оба (Крым, 4 в до н.э.); чаша-братина из кургана «Гайманова могила» у села Балки, Запорожской области (4 в до н.э.). Обратите внимание, что точно такие же причёски и бороды носила русская знать вплоть до 17 в. Причём, на чаше-братине волосы и бороды выполнены из золота, что показывает, что скифы были светловолосым европеоидным народом, а их упорно рисуют тюркообразными с чёрными волосами и глазами.

Так что А. Блок был прав, когда в стихотворении «Скифы» воскликнул: «Да, скифы мы!», но это единственное, в чём он был прав. Насчёт раскосых очей, азиатской рожи и свирепого варварства скифов он явно погорячился. Хотя не он первый рисовал скифов жестокими дикарями. Ещё Геродот живописал, как скифы сдирали скальпы и кожу с врагов, в частности из кожи руки делали футляры для стрел, из черепов делали чаши для питья, обкуривались коноплёй и напивались в дымину на царских пирах. Как видим, информационная война «прогрессивного» Запада против «варварского» Востока началась ещё в те далекие времена.

Но это никак не вяжется с тем, что «дикие» скифы были удивительными золотых дел мастерами, судя по находкам в курганах, хотя нам, наверняка, скажут, что сделаны все эти предметы искусными греками. Ведь нам стараются внушить, что Русь скифских времён была пустыней, по которой кочевали полудикие варвары в кибитках. Ну да, все, кто защищает свои законы и традиции и не соглашается перенимать западные ценности, объявляются варварами. Тот факт, что скифы казнили своего царя Скила, который жил в 5 в. до н.э., за то, что он *«во всём жил по-эллински и приносил жертвы богам по эллинскому обычаю»*, и вообще жил в эллинском городе Ольвии, преподносится, как верх варварства и кровожадности.

Скифы были основателями и носителями культуры на Кавказе – от верховий реки Кубань до современного Дагестана 12—4 в. до н.э., которую исследователи называют кобанской, материальные предметы которой сплошь покрыты свастичным узором (арийский знак). Естественно, что скифская культура оставила свой след и в культуре России, как своей преемницы. Например, скифские головные уборы носили и носят на Руси, а также в древней Европе средних веков.

Ни скифы, ни сарматы никуда не исчезли, несмотря на то, что историки постоянно об этом твердят. В древности рода славяно-ариев назывались по имени своего князя: *«И от того времени по именам князей своих и градов их начахуся звати людие сии словяне и руси»* (Сказание о Словене и Русе и граде Словенске из Хронографа 1679 г.) Так люди князя Руса, Словена, Скифа, Сармата и т. д. назывались, соответственно, русами, словенами, скифами, сарматами. Все эти народы так и продолжают жить на той же территории, где жили всё это время – на территории своей некогда огромной Империи, на месте которой находится современная Россия.

Ещё в 1854 г. Егор Классен доказал, что скифами и сарматами, о которых в разное время писали разные западные историки, называется один и тот же народ, говоривший на одном языке: «...Анна Комнена, Киннам и Константин Багрянородный называют их ещё Скифами, когда уже все прочие истории именуют Руссами...»

- 1) Скифы Анны Комненой, Льва Диакона и Киннама говорили русским языком.
- 2) Тавроскифы Константина Багрянородного говорили русским языком.
- 3) Велико-Скифы греческих писателей, по Нестору, говорили русским языком.
- 4) Сарматы (Руссы) Халкокондилы говорили – русским языком.
- 5) Алане (Росси) в грузинской истории – разумеется, русским.
- 6) Сарматы Папы Сильвестра II говорили венедским языком, а венедский язык есть наречие славянского.
- 7) Сарматы (Яциги и Паннонцы) Аммиана Марцелина и блаж. Иоронима говорили славянским языком.
- 8) Сарматы (Анты), признанные всеми за славян, говорили, разумеется, славянским языком.
- 9) Сарматы (Сербы) Плиния и Антона говорят и теперь славянским языком.
- 10) Сарматы (Венеды) Прокопия и Птолемея, как занимавшие одно и то же место с Сарматами Папы Сильвестра, говорили одним с последними языком, следовательно, славянским.
- 11) Сарматы (славяне) разных историков—славянским.
- 12) Все вообще Сарматы Апендини – славянским.
- 13) Алане (Анты) славянским.
- 14) Алане в северной Франции – славянским...»

Также Е. Классен писал, что скифы-русы были самым передовым народом Земли: «...Зная, что Руссов (Классен писал с двумя „с“, но правильно с одним „с“) называли Скифами, Троянами и Славянами, мы переносим на первых, т.е. на Руссов все те отличительные черты, которые засвидетельствованы порознь за всеми тремя относительными их названиями историками фригийскими, греческими, римскими и немецкими, и из сего сгруппирования свойств и развития одного и того же народа оказывается, что просвещение древних Руссов и старше и выше греческого... Промышленность Скифов также опережала таковую же у всех прочих народов, ибо известно, что Скифы изобрели сталь, огниво, нелиняющие краски, выделку кож сыромятных и юфти. Им известно было бальзамирование трупов, что они и исполняли над трупами царей своих. Им же принадлежат и первые горные работы и разные другие открытия и изобретения. Астрономия Скифов (Халдеев) есть, сколько известно, старшая у всех народов. Скифские письмена, сохранившиеся в некоторых скандинавских и всех поморских рунах, а также и по левому берегу Енисея, повыше Саянского отрога, свидетельствуют, что служили образцом для древних греческих письмен, равно для Кельтских и Готфских алфавитов...».

Однако за 100 лет об этом целенаправленно и тщательно забылось, и скифы снова стали загадочным исчезнувшим народом. Вот, что пишет в книге «Скифы: строители степных пирамид» Тамара Тэлбот Райс (1904—1993), урождённая Абельсон, иммигрировавшая из России в 1917 году: *«Скифы исчезли со страниц истории так же неожиданно, как и появились, как будто они упали в глубокий колодезь. И хотя сами они исчезли, они всколыхнули воды истории.*

Волны разошлись почти по всей Европе, и едва ли удивительно то, что наибольшее влияние они оказали на Россию, где их плавные и подвижные линии заметны даже в наше время...». Эта книга интересна тем, что автор проанализировала 94 скифских захоронения, расположенных на огромной территории в России (в том числе на Кубани, Астрахани, Самаре, Урале и Алтае), Украине, Германии, на Балканах, Румынии, Венгрии и Монголии, чем подтвердила, хотя и не ставила себе такой цели, существование Великой Скифии, когда-то занимавшей почти весь континент Евразии.

В данном исследовании попытаемся показать реальную историю скифов, что развеет весь тот туман от академической науки, в котором она пытается скрыть реальные сведения о народах Скифии, чтобы не дать нам русским познать свои истинные корни, чтобы мы, по-прежнему, считали пресловутого Рюрика и только его своим родоначальником. Это все делается для того, чтобы мы так и оставались «Иванами», не помнящими своего родства, и дальше продолжали блуждать в намеренно созданных лабиринтах мировой истории. Ведь тот, кто не знает своего реального прошлого, не сможет построить счастливого будущего.

Глава 1 НАЧАЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О СКИФАХ

I. Академическая наука о скифах

Скифы – экзоэтноним греческого происхождения, применявшийся к группе народов, обитавших в Восточной Европе, Средней Азии и Сибири в эпоху античности. Древние греки называли страну, где обитали скифы, Скифией. Информация о скифах происходит преимущественно из сочинений античных авторов (особенно «Истории» Геродота) и археологических раскопок на землях от низовий Дуная до Сибири и Алтая. Начиная с эпохи Великого переселения народов, слово «скифы» использовалось в греческих (византийских) источниках для наименования всех народов, населявших евразийские степи и северное Причерноморье: в источниках III – IV веков нашей эры «скифами» часто называются и готы, в более поздних византийских источниках скифами называли восточных славян – русь, хазар и печенегов, а также родственных древнейшим скифам алан.

Подоснову ранней индоевропейской, включая скифскую, культуры активно изучают сторонники Курганной гипотезы. Формирование сравнительно общепризнанной скифской культуры археологи относят только к VII веку до н. э. (Аржанские курганы). При этом существует два основных подхода к толкованию её возникновения. Согласно одному, основанному на так называемом «третьем сказании» Геродота, скифы пришли с востока, что может археологически интерпретироваться как приход из низовий Сырдарьи/Амударьи, из Тувы или каких-либо других районов Центральной Азии (очень определенная и конкретная трактовка). Другой подход, который также может опираться на сказания, записанные Геродотом, предполагает, что скифы к тому времени обитали на территории Северного Причерноморья как минимум несколько веков, выделившись из среды преемников срубной культуры.

Мария Гимбутас и учёные её круга относят появление пращуров скифов (культур одомашнивания лошадей) к 5 – 4 тыс. до н. э. По другим версиям этих пращуров связывают с иными культурами. Они предстают и потомками носителей срубной культуры эпохи бронзы, продвигавшихся начиная с XIV в. до н. э. с территории Поволжья на запад. Другие полагают, что основное ядро скифов вышло тысячи лет назад из Средней Азии или Сибири и смешалось с населением Северного Причерноморья (включая территорию Украины). Задаемся при этом вопросом, неужели у науки нет сил и средств, чтобы разобраться во всей этой неопределенности и прояснить, наконец, как возникли скифы и откуда они пришли? Именно в этой связи мы и предприняли попытку провести свое исследование и нашли достаточно фактов и аргументов, чтобы подойти к истине, которая, как оказалась, лежит на поверхности.

Но прежде всего, представим имеющийся академический взгляд на исторических скифов. Итак, кто же такие скифы в понимании античного мира, каковы пределы территории их обитания? Всмотревшись в принципы употребления этого названия в античной литературе, мы легко убедимся, что у разных авторов или даже у одного и того же автора в разных контекстах оно имеет различное содержание. Так, для Геродота, как правило, скифы – вполне конкретный народ, населяющий причерноморские и приазовские степи между Истром (Дунаем) и Танаисом (Доном). Уже земля соседнего с ними и родственного им народа савроматов, обитающих к востоку от Танаиса, для него определенно не скифская земля, и он достаточно внимателен к разграничению скифских племен и всех прочих, нескифских, народов. Лишь однажды он называет скифами один из среднеазиатских народов, вместе с тем причисляя его к сакам и отмечая, что персы всех скифов называют саками, что, судя по древнеперсидским надписям, соответствует действительности.

Зато другие авторы используют тот же этнический термин «скифы» в совершенно ином значении. К примеру, Диодор в рассказе о начале скифской истории сообщает, что после обретения могущества этот народ разделился на множество ветвей, из которых «одни были названы саками, другие массагетами, некоторые аримаспами и подобно им многие другие». Все эти народы знает и Геродот, но если в его описании они предстают как особые, нескифские, то для Диодора они же выступают как различные этнические подразделения единого массива скифов. О существовании наряду со скифами, живущими в Северном Причерноморье, также и других скифов – тех, которые обитают к востоку от Гирканского (Каспийского) моря, говорит Страбон. Представление о двух Скифиях – Европейской и Азиатской – с большей или меньшей отчетливостью проявляется в сочинениях и многих других античных авторов. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда: один и тот же этноним в разных контекстах служит для обозначения этнических (а порой и псевдоэтнических) совокупностей различного таксономического уровня, и это обстоятельство свидетельствует, что *этноисторическую картину, заимствуемую из древних текстов, нельзя воспринимать как вполне адекватное описание реальности – она требует критического и аналитического подхода.*

Отражают ли оба охарактеризованных выше варианта понимания этнонима скифы приращение этого термина самими обитателями Евразии в качестве самоназвания? Называл ли сам себя скифами народ, обитавший в то время на юге Восточной Европы, и множество народов, живших достаточно далеко друг от друга, и если да, то свидетельствует ли это о родстве всех этих народов между собой? Здесь следует принять во внимание два обстоятельства. Во-первых, существование общего самоназвания предполагает высокую степень осознания своего этнического единства, а для общества столь ранней эпохи существование единого этнического самосознания у обитателей обширных пространств Евразии – приблизительно от Дуная до Памира – представляется для науки весьма проблематичным. Во-вторых, наши сведения об этнонимии этого региона почерпнуты исключительно из инокультурных источников, и нельзя исключать, что расширительное значение этнонима отражает его использование греками в качестве обобщающего термина. Собственно, именно об этом еще в древности и писал Страбон, согласно которому *«известные народы северных стран назывались одним именем скифов или номадов... ибо вследствие неведения отдельные народы в каждой стране подводились под одно общее имя».*

Существовали объективные причины для такого превращения конкретного этнонима в обобщающий термин. Большинство народов, именуемых античными авторами скифами, обладали сходным бытовым и хозяйственным укладом – это были кочевники, номады. Эта близость нашла выразительное отражение и в археологических материалах, описываемых ниже и демонстрирующих значительное сходство материальной культуры того времени на широком пространстве Евразийского степного пояса и смежных с ним областей. Что касается выбора в качестве такого обобщающего термина именно названия скифов, то ведь именно этот народ греки узнали раньше и лучше, чем всех других жителей этого региона. Однако это лишь умозаключение, основанное на общих соображениях. Проверить его в какой-то мере позволяют археологические материалы. В самой же античной традиции мы находим свидетельство, на первый взгляд как будто подтверждающее представление о непосредственном родстве скифов, по крайней мере, с некоторыми народами более восточных регионов. Оно содержится в сообщениях о происхождении скифов.

Происхождение скифов по данным античной традиции

Между сообщениями разных античных авторов о начале скифской истории имеются определенные расхождения, но основная канва в них совпадает. Пожалуй, наиболее детализированным является так называемый третий рассказ Геродота на этот счет. Приведя две чисто мифологические версии толкования этой темы, где повествуется о происхождении скифов

непосредственно от богов и мифических героев, историк приступает к изложению третьей версии, которой он сам, по его собственным словам, наиболее доверяет. Согласно этой версии, скифы, изначально жившие «в Азии», вследствие давления на них со стороны народа массагетов перешли реку Аракс и вступили в землю, до этого заселенную киммерийцами. Далее сразу же следует повествование о вторжении киммерийцев и скифов в Переднюю Азию. В подтверждение своего рассказа Геродот приводит свидетельство из не сохранившегося до наших дней сочинения автора VII в. до н. э. Аристея Проконнесского, согласно которому причиной появления скифов в земле киммерийцев была цепная реакция миграций, вызванных рядом межэтнических конфликтов: живущие на самом краю обитаемой земли одноглазые люди ари-маспы вытеснили народ исседонов с его территории, исседоны потеснили скифов, а те в свою очередь изгнали киммерийцев, живших «у южного моря». Примечательно, что если у Геродота скифов вытесняют с прежнего места обитания массагеты, то Аристей виновниками этого переселения называет уже исседонов.

Во многом близка к приведенным рассказам версия Диодора Сицилийского. Он, правда, не упоминает ни давления на скифов со стороны какого-либо народа, объясняя интересующее нас переселение, точнее расселение, ростом их могущества, ни вытесненных ими киммерийцев, но также отмечает, что скифы, поначалу обитавшие в незначительном количестве у реки Аракс, затем распространились до Кавказа и Танаиса (реки Дон), а потом и до Фракии (страны на Балканском полуострове), после чего совершили поход по землям древневосточных царств вплоть до Египта. Как видим, последовательность событий здесь та же самая. Отголоском этих же представлений является сообщение Страбона об изгнании киммерийцев скифами из области, где основан город Пантикапей, т.е. опять-таки из Северного Причерноморья. Правда, о самих скифах здесь же говорится, что они были изгнаны основавшими Пантикапей элинами, т.е. имеется в виду не причина появления скифов в земле киммерийцев, а события более поздние, но прием – описание цепи миграций, вызванных давлением народов друг на друга, – сохранен.

Итак, античная традиция рисует восточноевропейских скифов как пришельцев из Азии. На этом в значительной мере и основано широко распространенное в современной науке представление об их родстве с более восточными народами, перекликающееся с отмеченным расширительным значением их этнического имени. Отсюда же – образ азиатов с раскосыми глазами в известном стихотворении А. Блока. Между тем уже со времен первых раскопок скифских погребальных курганов Причерноморья в первой половине XIX в. принадлежность скифов по антропологическим, расовым характеристикам к европеоидам является надежно установленным фактом – как по костным останкам, так и по изобразительным данным. Представление о них как о раскосых монголоидах – не более чем дань традиции, сформировавшейся под влиянием оценки более поздних миграционных волн, периодически накатывавшихся в восточноевропейские степи с востока, – гуннов, тюрков, монголов.

Да и сам вопрос, как понимать ту «азиатскую» прародину скифов, о которой повествует античная традиция, не имеет однозначного решения. Дело в том, что эллинский мир в качестве границы между Европой и Азией рассматривал Дон-Танаис и Керченский пролив, а потому на роль такой прародины теоретически вполне может претендовать даже столь близкая восточная периферия Причерноморья, как степи волжско-донского междуречья. Сами античные авторы называют лишь два ориентира, по которым можно конкретизировать ее локализацию: реку Аракс, близ которой скифы якобы обитали первоначально, и название народа, под нажимом которого началось скифское продвижение на запад. Упоминаемый здесь Аракс – это, конечно, не современная одноименная река в Закавказье. Впрочем, в свое время было высказано суждение, что именно закавказский Аракс здесь и подразумевается, поскольку Геродот якобы смешал сведения о первичном появлении скифов в Европе с их возвращении сюда через Закавказье после переднеазиатских походов, при котором они, в самом деле, должны были

пересечь одну из крупнейших закавказских рек. Однако эта гипотеза не слишком убедительна: *ведь Диодор, также называющий бассейн Аракса в качестве места первоначальной локализации скифов, четко различает разные этапы передвижений этого народа – их уход от Аракса и вторжение в Переднюю Азию.*

При этом его рассказ в целом настолько самостоятелен, что усматривать в нем просто повторение ошибки Геродота нет оснований. К тому же у самого Геродота в других контекстах упоминается, без сомнения, и *иной, не закавказский, Аракс – например, как река, которая впадает в Каспийское море и за которой живут массагеты, занимающие закаспийскую равнину.* Последний момент очень важен для нас в связи с упоминанием натиска именно этого народа, как причины начала переселения скифов. В указанном Араксе можно увидеть нашу Волгу (запомним этот момент для себя).

Что касается народа, вытеснившего скифов с их прародины, то Геродот, приписывая эту роль как раз массагетам, сам же приводит рядом и отличное мнение Аристеев, объяснявшего миграцию скифов натиском исседонов. Тот же Геродот считает два эти народа соседними – по его словам, они живут друг напротив друга, так что это расхождение не дает большого территориального разброса в локализации прародины скифов. Но смысловое различие здесь налицо, и было высказано мнение, согласно которому, хотя Геродот использует свидетельство Аристеев в подтверждение собственных данных, от его внимания попросту ускользнуло, что в действительности он и Аристеев говорят о разных миграциях скифов: под натиском исседонов они якобы впервые появились в Европе около VII в. до н. э., а массагеты вытеснили сюда в последней трети VI в. какую-то новую волну азиатских кочевников. Следует, впрочем, отметить, что сам тезис об этой повторной миграции в Причерноморье в скифскую эпоху в письменных данных никаких подтверждений, помимо указанного расхождения между свидетельствами Аристеев и Геродота, не находит, и сторонники этой гипотезы опираются в основном на толкование археологического материала.

Как бы то ни было, по представлениям Геродота, прародина скифов находилась непосредственно рядом с землей исседонов или вблизи от нее. Самых исседонов Геродота, судя по тому, в одном ряду с какими народами он их упоминает, следует, очевидно, локализовать не далее Южного Урала или южных областей Западной Сибири, хотя у более поздних авторов, например, Птолемея – тот же этноним иногда прилагается и к гораздо более восточным народам, соседствующим едва ли не с Китаем.

В свете сказанного нельзя пройти мимо давно существующей точки зрения, что Аракс, близ которого помещают исконные земли скифов Геродот и Диодор, – это Волга, тем более, что Птолемей упоминает сходное древнее ее название – Ра. Однако этот фонетический аргумент сам по себе не выглядит слишком убедительным. Приходится признать, что, опираясь исключительно на данные о реке Аракс, содержащиеся у древних писателей, ответить на вопрос, насколько достоверны данные античной традиции о начале истории скифов и, если в целом они достоверны, то откуда же именно скифы пришли в Северное Причерноморье, очевидно, невозможно – необходимо учитывать весь комплекс разнородных и разноприродных данных, в той или иной мере связанных с этой проблемой. Естественно, что важное значение здесь приобретают археологические материалы.

Появление скифов в Восточной Европе по археологии

Первый курган в Северном Причерноморье, который можно связывать со скифской эпохой, был раскопан еще в 1763 г. близ города Елисаветграда. В науку он вошел под именем Литого кургана, или Мельгуновского клада. Во второй половине XIX и начале XX в. в причерноморских степях был исследован целый ряд наиболее крупных – так называемых царских – курганов, возведенных в древности над могилами представителей высшей скифской знати, а во второй половине нашего столетия систематическим раскопкам подверглись много-

численные курганные могильники рядовых скифов. В итоге археологический облик восточно-европейских скифов известен достаточно хорошо.

Однако следует отметить одно любопытное обстоятельство: хотя скифский период в истории Северного Причерноморья по официальной позиции занимает несколько столетий, подавляющее большинство обнаруженных археологами скифских погребений относятся к сравнительно краткому отрезку скифской истории – к IV в. до н. э. Погребения VII – V вв., несмотря на интенсивные поиски, насчитываются в лучшем случае десятками. Тем не менее, сопоставление сделанных в них находок с древностями IV в. до н.э. позволило специалистам составить представление о материальной культуре скифов в ее динамике. Это представление и было положено в основу поиска истоков этой культуры и, соответственно, подхода археологов к проблеме происхождения скифов.

При взгляде на ту картину начала скифской истории, которую можно почерпнуть из античной традиции и которую мы обрисовали выше, создается полное впечатление, что именно в этом можно найти наиболее выразительный пример такой этноисторической ситуации, которая вполне четко отражается в археологических данных. К чему сводится эта картина? Северное Причерноморье на определенном этапе населено племенами киммерийцев. Затем сюда приходит вытесненный из какой-то области, лежащей, во всяком случае, восточнее Дона, новый народ – скифы. Следствием столкновения между этими народами становится тотальный уход киммерийцев в Переднюю Азию. Там же на какое-то время оказываются и скифы (или определенная их часть). Спустя некоторое время скифы возвращаются в Восточную Европу и на несколько столетий становятся основными обитателями большей части причерноморских степей. Понятно, что картина, выраженная языком археологии, выглядит так: *в доскифское время на интересующей нас территории должна прослеживаться некая культура, которую следует соотносить с киммерийцами; затем происходит радикальная смена культурного облика региона, причем непременным признаком новой появившейся здесь культуры должно быть ее существование в предшествующее время где-то «в Азии»* (в том понимании, какое свойственно античному миру, т.е. за Доном); тогда мы вправе связывать ее со скифами. Подтверждением правильности такой этнической атрибуции обеих этих культур могло бы служить наличие археологических следов пребывания их носителей в землях к югу от Кавказского хребта – *как отражение киммерийско-скифских вторжений в Переднюю Азию*. В таком виде задача поисков археологических следов киммерийцев и скифов выглядит достаточно простой, поскольку нам как будто известны время и место интересующих нас этнокультурных процессов и их характер.

По существу именно такое толкование целиком преобладало в науке на первых порах накопления археологических данных, а во многом сохраняется и в наши дни. Дело в том, что примерно с VII в. до н.э., т.е. как раз с той эпохи, когда, согласно античной традиции, скифы продвинулись из Азии в Северное Причерноморье, на всем пространстве евразийского степного пояса получили распространение во многом однотипные памятники. Это преимущественно погребальные курганы, содержащие захоронения воинов-всадников. Погребальный инвентарь в них также обнаруживает значительное сходство. *Более всего оно проявляется в предметах, получивших название скифской триады: в вооружении, элементах конского убора и в произведениях искусства, выполненных в так называемом скифском зверином стиле*. Ряд исследователей склонен причислять к общим для всего степного пояса элементам культуры и еще некоторые категории инвентаря – бронзовые котлы, каменные плоские блюда и некоторые другие.

Комплексы, содержащие перечисленные элементы, известны на огромном пространстве степей от Северо-Западного Причерноморья до Минусинской котловины на Верхнем Енисее и даже до провинции Ордос в Китае. Получили они распространение и в смежных со степями лесостепных и горных регионах – например, на Алтае и Памире. Поскольку в общих чертах зона их распространения совпадает с той территорией, с которой античная традиция связывает

расселения скифов в упомянутом выше широком значении этого названия, *памятники подобного типа часто именуют скифскими, а все оставившие памятники такого типа люди воспринимались как единый народ – скифы*. В соответствующем ключе трактовалась и проблема поисков археологических следов того переселения скифов из Азии, о котором сообщают Аристей, Геродот, Диодор.

При таком подходе задача состояла лишь в том, чтобы определить, где именно подобная культура сложилась ранее всего. К примеру, в 1960-х гг., после исследования на Нижней Сырдарье курганных могильников Тагискен и Уйгарак, была высказана мысль, что прародину скифов следует искать в Средней Азии [Толстов, Итина 1966]. С открытием в 1970-х гг. в Туве замечательного кургана Аржан, содержащего погребение вождя крупного племенного объединения [Грязнов 1980], возникла концепция формирования скифов и их культуры именно в этом глубинном районе Центральной Азии [Тереножкин 1976]. Правда, вопрос о времени сооружения кургана Аржан является предметом полемики, причем предлагаемая его датировка колеблется между IX и VII веками до н. э. Острота этой дискуссии вполне объяснима: ведь от принятой даты зависит, можно ли видеть в центральноазиатских памятниках аржанского круга указание на локализацию здесь прародины скифов. Так или иначе, появление скифов в Причерноморье, описанное в античной традиции, сторонники этой концепции соотносят с распространением здесь той самой представленной курганными воинскими погребениями якобы единой культуры, для которой характерны предметы «скифской триады» и которая обнаружена во многих областях Евразии. На юге Восточной Европы подобные памятники появляются примерно во второй половине VII в. до н. э. (такова принятая их нижняя, ранняя дата), что в общем совпадает с картиной появления скифов здесь незадолго до их вторжения в Переднюю Азию, нарисованной Геродотом.

Что касается восточноевропейских памятников, которые можно было бы связать с киммерийцами, то сторонники изложенной точки зрения считают таковыми так называемые памятники черногоровско-новочеркасского типа – предшественники скифской культуры на юге Восточной Европы, датируемые в целом IX – VII вв. до н. э. Их атрибуция как археологических следов киммерийцев получила в отечественной археологии очень широкое распространение. Одно время все их рассматривали как в целом единый культурный массив, позже черногоровские и новочеркасские комплексы стали трактовать как два хронологически последовательных этапа одной культуры, теперь преобладает их четкое типологическое, пространственное и этнокультурное разграничение.

Можно заметить, что изложенная выше концепция отличается завершенностью, логичностью и стройностью и, на первый взгляд, целиком согласуется с античной нарративной традицией о смене киммерийцев скифами в Северном Причерноморье. *Но при внимательном подходе в ней, однако, обнаруживаются уязвимые места, что приводит к созданию принципиально различных археологических реконструкций картины происхождения скифов и киммерийско-скифских взаимоотношений*. Начать с того, что далеко не все исследователи согласны трактовать VII в. до н.э. как время коренного изменения культурного облика Северного Причерноморья, который можно было бы объяснять радикальной сменой обитателей этого региона. Так, известный российский археолог М. И. Артамонов утверждал: *«Археология не знает ни о каком вторжении нового населения в Северное Причерноморье, которое могло бы соответствовать появлению скифов и вытеснению киммерийцев, после... распространения срубной культуры к западу от Волги и вытеснения ею предшествующей катакомбной культуры, но оно относится не к VIII – VII вв. до н.э., а к значительно более раннему времени – к последней трети II тысячелетия до н.э.»* Связывая именно этот археологически засвидетельствованный процесс смены культур на юге Восточной Европы с описанными у Аристея и Геродота событиями киммерийско-скифской истории и приписывая, соответственно, катакомбную культуру киммерийцам, а срубную – скифам, М. И. Артамонов, таким образом, существенно корректи-

ровал ту хронологию этих событий, которая отражена в античной и древневосточной традициях. *При таком понимании археологические следы скифов следует искать в Европе задолго до появления здесь памятников того типа, который связывается со скифами применительно к более поздним эпохам*, а процесс формирования древностей, обычно причисляемых к характерным признакам скифской культуры, приходится локализовать не где-то далеко на востоке, а непосредственно на юге Восточной Европы.

Трактовка катакомбных племен как киммерийцев в целом не получила признания в науке. Но мысль о появлении скифов в Восточной Европе задолго до киммерийско-скифского вторжения в Переднюю Азию и о формировании знакомой нам культуры скифов не где-то на востоке, а там, где мы застаем ее позже, созвучна мнениям и других ученых. Углубленное изучение культуры евразийских степей нанесло ощутимый удар по археологической базе представления о культурном единстве этой зоны. Если на первых порах исследователи обращали преимущественное внимание на те черты, которые свидетельствуют о сходстве памятников на всем этом огромном пространстве, – на предметы «скифской триады» и т.п., – то со временем стало ясно, что при всей значительности этого сходства по чисто археологическим критериям на интересующей нас территории выделяется целый ряд самостоятельных культур. Они различаются между собой по таким признакам, как типы погребальных сооружений и погребальный обряд, формы и способ орнаментации керамики и т. д. Как правило, эти черты уходят корнями в культуру населения соответствующей области предшествующей эпохи. Сходство же – причем не полное, с заметными локальными особенностями – проявляется преимущественно в легко воспринимаемых от соседей (особенно в условиях преобладания здесь кочевого быта) элементах культуры, что, однако, не исключает и того, что в отдельных случаях такое восприятие облегчалось миграциями определенных групп. Вот так наука анализировала пути для поиска и фиксации движения скифов в Европу. Но как мы покажем позже, эти события именно на юге Восточной Европы происходили не в VII веке до н.э., а гораздо ранее, когда скифы установили свое господство над миром в 3600 г. до н. э. И в эти рамки укладывается мнение М. И. Артамонова о вторичном появлении скифов при замене катакомбной культуры на срубную.

Как писал один из исследователей культур скифского круга, археолог М. П. Грязнов, «каждая из них вполне самобытна и оригинальна в связи со своим особым историческим прошлым». При таком подходе археологический материал позволяет понять, чем могло быть обусловлено появление расширенного толкования этого этнического термина – скифы, подтвердив единообразие хозяйственно-культурного уклада обитателей разных областей этого региона и одновременно – этнокультурную их самостоятельность. По существу, представление археологов о единстве культурного облика евразийских степей в скифскую эпоху сродни тем представлениям античного мира об этой территории, которые породили расширительное употребление термина «скифы». *Поэтому на смену определению всех культур этого круга как скифских в археологическую литературу пришла традиция именовать всю эту совокупность памятников «скифо-сибирским культурно-историческим единством» или «культурами скифского типа».* В них следует видеть памятники не только культуры киммерийцев, но и «культуры собственно скифских племен на ранних ее этапах». Иными словами некую преемственность на протяжении длительного периода времени.

Этот подход нашел определенное развитие в предпринятом в последние годы этнокультурном разграничении черноголовских и новочеркасских памятников. *При этом некоторые исследователи считают «черноголовцев» киммерийцами, а создателей комплексов новочеркасского типа скифами, тогда как другие – наоборот. Такой разброс мнений сам по себе показывает: если признать киммерийцев и скифов близкими по культуре народами, то сохранившихся в античной литературе сведений об их столкновении оказывается недостаточно, чтобы надежно дифференцировать памятники каждого из них. Но в гипотезе, высказанной А. А. Ис-*

сеном, для нас важно, что она, как и версия М. И. Артамонова, предполагает присутствие скифов как этноса в Восточной Европе ранее, чем здесь получила распространение культура, присущая им в последующие столетия, и формирование самой этой культуры на местной основе, а не принесение ее извне. При этом не обязательно вслед за М. И. Артамоновым видеть засвидетельствованное античной традицией появление скифов в Северном Причерноморье при переселении сюда носителей срубной культуры из Поволжья. Не исключено, что приход скифов «из Азии» в Европу, на территорию, занятую до этого киммерийцами, в действительности представлял какое-то перемещение племен на пространстве ареала, занятого весьма близкими друг к другу степными культурами рубежа бронзового и железного века, проследить которое археологически почти невозможно. Так полагал, к примеру, один из виднейших российских специалистов по скифской археологии Б. Н. Граков.

Итак, согласно этой концепции, никакой радикальной смены культуры скифо-киммерийское столкновение в Причерноморье не вызвало и к распространению здесь той культуры, которая ассоциируется в нашем сознании со скифами, исходя из более поздних данных, привести не могло: такой культуры на том этапе скифской истории просто не существовало. Если же киммерийцы и скифы представляли два этнических образования внутри однокультурного ареала, то наиболее правомерным представляется вывод А. А. Иессена, который, опираясь на археологические данные, полагал, что, результатом этого скифского вторжения явилась не тотальная смена населения, а обретение скифами господствующего положения в некоем племенном объединении, ранее возглавлявшемся киммерийцами (и мы с этим согласны – см. главу 2).

Более того, мы даже точно не можем сказать, где именно произошло это киммерийско-скифское столкновение. В самом деле, если Геродот исходит из того, что киммерийцы занимали территорию всей современной ему Скифии, то, согласно Диодору, первый этап пребывания скифов в Европе связан лишь с областями к северу от Кавказа. Скорее всего, именно в этом регионе и произошел интересующий нас межплеменной конфликт, имевший в действительности до некоторой степени локальный характер. Но в жизни скифов он, видимо, сыграл достаточно важную роль. Потому-то память о нем как об определяющем событии истории скифов и сохранилась в их эпосе, откуда сведения о нем только и могла воспринять античная традиция (следы фольклорного происхождения этого сюжета весьма ощутимы, к примеру, в изложении его Геродотом). Но Геродот, писавший много позже, знал скифов уже не как обитателей Предкавказья, а как население обширного пространства между Дунаем и Доном (куда, по данным Диодора, скифы проникли позже, чем в Предкавказье) – Причерноморской Скифии, и соответственно интерпретировал именно ее как область, прежде заселенную киммерийцами, и как арену тотального киммерийско-скифского столкновения.

Именно на этом этапе начинается довольно длительная переднеазиатская эпопея киммерийцев и скифов. Она выразилась не в однократном бегстве киммерийцев от преследовавших их скифов, а в повторяющихся рейдах обитателей южнорусских степей через Кавказ (указания на это имеются и в античной традиции). Свидетельством этих рейдов, возможно, являются находки древневосточных предметов – скорее всего, трофеев – в ряде северокавказских погребений, где они сочетаются с вещами новочеркасского облика, предшествующими времени распространения здесь собственно скифской культуры. В Переднюю Азию, конечно, уходили не все киммерийцы и скифы, как повествует античная традиция, а более или менее крупные военные их отряды. Именно в период этих вторжений на местной, черногоровско-новочеркасской, основе сформировалась известная нам по памятникам последующих веков скифская культура, причем процесс этот протекал под ощутимым влиянием древневосточных цивилизаций. В частности, большую роль древневосточное искусство сыграло в сложении звериного стиля, характерного для искусства европейских скифов и существенно отличающегося от аналогичных памятников других частей «скифо-сибирского мира». Показательно, что древней-

ише в Восточной Европе памятники уже в основном сформировавшейся собственно скифской культуры обнаружены как раз в Предкавказье – в регионе, с которым, как сказано, скорее всего, связаны киммерийско-скифский конфликт и другие события раннескифской истории. Судя по всему, и на этом этапе скифы и киммерийцы продолжали оставаться носителями однотипной материальной культуры.

Поскольку античная традиция сохранила довольно подробные сведения о ее этногеографии, мы имеем возможность сопоставить письменные и археологические данные. *Но если все эти культуры не распространились по евразийским степям из одного центра, то значительно ослабленной оказывается и археологическая основа гипотезы о принесении откуда-то с востока в сложившемся виде и культуры восточноевропейских скифов.* Каково бы ни было хронологическое соотношение между разными культурами «скифского типа» как в западной, так и в восточной частях занятого ими обширного ареала, *определить на этом основании ту «прародину», с которой скифы, в соответствии с данными античной традиции, пришли в Северное Причерноморье, не удастся.* А значит, *предположительная легкость поисков археологических следов нарисованной этой традицией картины киммерийско-скифских взаимоотношений оказывается обманчивой. Вот это – то самое главное, к чему собственно пришла академическая наука по изучению времени и места появления скифов.*

По сообщению Геродота, господствующими были царские скифы – самое восточное из скифских племён, граничащее по Дону с савроматами, занимали также степной Крым. Западнее их жили скифы-кочевники, а ещё западнее, на левобережье Днепра – скифы-земледельцы. На правобережье Днепра, в бассейне Южного Буга, близ города Ольвия обитали каллипиды, или эллино-скифы, севернее их – алазоны, а ещё севернее – скифы-пахари, причём Геродот указывает на земледелие в качестве *отличия от скифов* трёх последних племён и уточняет, что если каллипиды и алазоны выращивают и едят хлеб, то скифы-пахари выращивают хлеб на продажу. Скифы также уже в полной мере владели производством черного металла. Представлены и другие виды производства: костерезное, гончарное, ткацкое. Но уровня ремесла пока достигла лишь металлургия.

Скифы производили зерно на вывоз, в частности в греческие города, а через их посредство – в греческую метрополию. На скифских поселениях находят земледельческие орудия, в частности серпы, однако пахотные орудия чрезвычайно редки, вероятно, все они были деревянные и железных частей не имели. О том, что земледелие у скифов было пашенным, судят не столько по находкам этих орудий, сколько по количеству производимого скифами зерна, которое было бы во много раз меньшим, если бы землю обрабатывали мотыгой.

Укрепленные поселения появляются сравнительно поздно, на рубеже V и IV вв. до н.э., когда у скифов получили достаточное развитие промыслы и торговля. На Каменском городище имеются две линии укреплений: внешняя и внутренняя. Внутреннюю часть археологи называют акрополем по аналогии с соответствующим делением греческих городов. На акрополе прослежены остатки каменных жилищ скифской знати. Рядовые жилища представляли собой главным образом наземные дома. Их стены иногда состояли из столбов, основания которых были вкопаны в специально вырытые канавки по контуру жилища. Встречаются также жилища-полуземлянки.

Древнейшие скифские стрелы плоские, часто с шипом на втулке. Они все втульчатые, т.е. имеют специальную трубку, куда вставляется древко стрелы. Классические скифские стрелы тоже втульчатые, они напоминают трехгранную пирамидку, или трехлопастные – ребра пирамидки как бы развились в лопасти. Стрелы сделаны из бронзы, которая, наконец, завоевала себе место и в производстве стрел. Скифская керамика сделана без помощи гончарного круга, хотя в соседних со скифами греческих колониях круг применялся широко. Скифские сосуды плоскодонны и разнообразны по формам. Широкое распространение получили скиф-

ские бронзовые котлы высотой до метра, имевшие длинную и тонкую ножку и две вертикальные ручки.

Скифское искусство хорошо известно в основном по предметам из погребений. Для него характерно изображение животных в определенных позах и с преувеличенно заметными лапами, глазами, когтями, рогами, ушами и т. п. Копытные (олень, козел) изображались с подогнутыми ногами, хищники кошачьих пород – свернувшимися в кольцо. В скифском искусстве представлены сильные или быстрые и чуткие животные, что соответствует стремлению скифа настигнуть, поразить, быть всегда наготове. Отмечено, что некоторые изображения связаны с определенными скифскими божествами. Фигуры этих животных как бы охраняли их владельца от беды. Но стиль был не только сакральным, но и декоративным. Когти, хвосты и лопатки хищников часто оформлялись в виде головы хищной птицы; иногда на этих местах помещали полные изображения животных. Эта художественная манера получила в археологии название звериного стиля. В раннее время в Заволжье звериный орнамент равномерно распределен между представителями знати и рядовыми. В IV – III вв. до н.э. звериный стиль вырождается.

Наиболее знамениты и лучше всего изучены скифские погребения. Скифы хоронили мертвых в ямах или в катакомбах, под курганными насыпями. В районе днепровских порогов расположены знаменитые скифские курганы. В царских курганах скифов находят золотые сосуды, художественные изделия из золота, дорогое оружие. Таким образом, в скифских курганах наблюдается новое явление – сильное имущественное расслоение. Встречаются курганы маленькие и огромные, одни погребения без вещей, другие – с огромным количеством золота.

Савроматы – кочевые племена, близкие скифам и сакам, жившие в 7 – 4 вв. до н.э. в поволжско-приуральских степях. Греческие писатели (Геродот) называли савроматов народом, «управляемым женщинами». Пережитки матриархата доказаны и археологически: исследованы могилы богатых женщин с оружием, конским снаряжением и жреческими атрибутами (каменные алтари). С конца 5 в. и в 4 в. до н.э. отдельные племена савроматов начали теснить скифов и переходить Волгу. В 4 – 3 вв. до н.э. у савроматов сложились новые союзы племён, куда вошли и родственные им племена, пришедшие с Востока.

Б. Н. Граков считал, что савроматы (как основа большого союза племен) образовались в результате ассимиляции скифами, отколовшимися от своего основного ядра, какой-то группы приазовских меотов. Этой версии придерживался и Ф. Г. Мищенко, но в меотах (жителях округи Приазовья – Меотиды) он видел покоренных скифами киммерийцев. Аналогичны представления были и у М. И. Ростовцева. Возможно, савроматы играли важную роль в распространении господства скифов в Европе и Азии с 4 в. до н. э. Имя савроматов И. Маркварт сблизил с авестийским именем народа сайрима (saīrima, sarīma Авеста, Яшт XIII, 143, XXI, 52) как вариант имени «савромат». Авеста воспекает «мужей праведных сайрима» и «жен праведных сайрима», но не указывает их местопребывания. *В источнике есть упоминание реки Ранги, которую И. Маркварт сопоставляет с Волгой (авест. Rānha, Аракс Геродота, греч. Rha из скифского Raha).* Глубина эпической памяти здесь доходит до 4 – 3 тыс. до н. э. Савроматская конница отличилась в войне Великой Скифии против Дария I около 512 г. до н. э. Во главе этих смелых всадников стоял Скопасис (Скопас).

В 4 – 3 вв. до н.э. у савроматов сложились новые союзы племён, куда вошли и родственные им племена, пришедшие с Волги. Начиная с III в. до н.э. эти новые племенные группы выступали под общим названием сарматов. Начиная с IV в. до н.э. отдельные сарматские группы появляются в Правобережном Подонье, а во II в. до н.э. основная масса сарматов переходит Дон и вторгается в Скифию, медленно, но неуклонно занимая скифские кочевья, которые, возможно, были главной причиной сарматской экспансии. Сарматская керамика сделана без помощи гончарного круга. Гончарное ремесло еще не обособилось, хотя в курганах нередко встречается круговая античная керамика, в том числе римская краснолаковая. Существовали

кузнечное, бронзолитейное, кожевенное, деревообрабатывающее производства, еще не достигшие уровня ремесла.

Оружие сарматов отлично от скифского. Их мечи длинные, приспособленные для рубки с коня. Скифы предпочитали воевать в пешем строю, сарматы же были в основном конными воинами, хотя пехота у них тоже существовала. Рукоятки сарматских мечей не сохраняются, поэтому интересны случаи, когда в курганах на черешках для рукоятей обнаруживаются следы обмотки ремнем. Сарматы привязывали кинжалы ремнями к правой ноге. Стрелы, как и у скифов, трехлопастные, но более крупные и почти с начала сарматской эпохи железные и черешковые. Выковать черешок было легче, чем втулку, а кроме того, оружейеды заметили, что древко стрелы ломается чаще, если наконечник втульчатый, а это имело значение, так как после боя или охоты стрелы собирали. Сарматы носили металлический доспех, он был пластинчатый или кольчужный. Кольчуги, т. е. рубашки из железных колец, не стесняли движений воинов и были удобны в бою. Об одежде сарматов и их внешнем виде можно судить по боспорским надгробиям и по изображениям в расписных пантикапейских склепах. Знатный сармат носил короткую рубаху, пояс, мягкие сапоги и плащ, который на плече застегивался фибулой (застежкой типа брошки).

Луки в погребениях сохраняются плохо, вследствие чего трудно делать заключение об их размерах и конструкции. Однако очевидно, что в употреблении были сложные луки, от которых сохраняются обыкновенно костяные накладки. Следует отметить, что эти накладки известны в погребениях Саяно-Алтая и почти повсеместно отсутствуют в могилах кочевников Средней Азии и Казахстана. Это может объясняться, во-первых, тем, что население Средней Азии и Казахстана избегало помещать луки с накладками в могилы по неясным для нас запретам обрядового характера, а во-вторых, тем, что к XIV в. стали употреблять луки без костяных накладок. На Саяно-Алтае в XIII – XIV вв. пользовались сложными луками с врезанными фронтальными роговыми срединными накладками, имевшими лопатковидные концы, иногда дополнительно с фронтальными концевыми накладками в виде подтреугольной в сечении пластины с вырезом.

От конского снаряжения сохраняются в могилах остатки уздечек и сёдел: удила, стремена, пряжки, кольца и Т-образные бляхи от перекрестий ремней, кольца с пробоями и заклепками от седел, фрагменты седельных лук и кантов. Седло и уздечку клали обычно в ногах покойника. Удила относятся к двум типам. Наиболее многочисленны и повсеместно распространены двусоставные удила с звеньями неравной или почти одинаковой длины с одинарными большими подвижными кольцами для прикрепления повода и ремней оголовья. Для соединения перекрестий ремней оголовья служили железные кольца и бронзовые Т-образные бляхи с растительным орнаментом. Последние встречены в Саяно-Алтае и генетически восходят к подобным бляхам IX – X вв. сросткинской культуры. В памятниках Казахстана и Средней Азии XIII – XIV вв. они не обнаружены.

Головные уборы представлены остатками шапочек с нашивными металлическими пластинами в качестве украшений (Королевка, Кудыргэ) и высоких конусообразных шляп типа бокки. В погребении у Королевки находились остатки шапочки типа тюбетейки из шелковой ткани, каркас которой на лбу образовывали две изогнутые пластинки – нижняя бронзовая с изображением в центре цветка, выполненного чеканкой, а верхняя золотая. Из высоких конических головных уборов наиболее хорошо сохранилась «бокка» из погребения, опубликованного Ф.Х. Арслановой. Она была изготовлена из двух листов тонкого (0,2 мм) серебра, соединенных кровельными швами. По нижнему краю головного убора, а также спереди и сзади по вертикали имелся тисненый орнамент в виде двух рядов плетений («косички»). На полях были сделаны отверстия диаметром до 1 мм для пришивания серебряных листов к мягкой подкладке или шапочке.

Принадлежностью мужского костюма был пояс с прямоугольными обоями из твердых материалов, чаще из металла, к которым подвешивали оружие, нож в ножнах, кресало в мешочке и др. Помимо блях-обойм функционального назначения, пояса декорировались бляхами различного вида – небольшими фигурными, прорезными с растительным орнаментом, железными с серебряной инкрустацией и пр. Возможно, деталями поясов были также крупные фигурные бляхи типа медальонов с орнаментом. Концы пояса закреплялись металлическими наконечниками. Пряжки на поясах находились слева или справа. Подвесные ремешки продевались в большие обоймы надетые на ремни. Пряжки и бляхи поясов делали из различных материалов – бронзы, серебра агальматолита, железа. Следует подчеркнуть, что (пояса с наборными бляхами находились только в богатых погребениях, пояса же из более бедных захоронений, вероятно, имели обоймы из органических материалов (кожи, дерева), вследствие чего от них сохранились только пряжки.

Украшениями служили подвески, бляшки, серьги бусы. Бронзовые и серебряные подвески представлены в женских и мужских погребениях. Четыре серебряные подвески находились в захоронении воина у Королевки около плеча правой руки и с левой стороны черепа, из них две медалевидной формы были покрыты растительным орнаментом. Для украшения женской одежды использовали нашивные бляшки из листового серебра прямоугольной, квадратной, ромбовидной и трапециевидной формы с фигурновырезанными краями. Серьги, изготовленные из серебра и бронзы, находят как в женских, так и в мужских погребениях. Выделяются три основных типа серег. Первый, простейший тип – проволочные серьги в виде несомкнутого кольца. Аналогия серьгам этого типа широко известна в погребениях кочевников причерноморских степей. Серьги этого типа генетически связаны, очевидно, с подобными серьгами в виде литого или проволочного несомкнутого кольца, распространенными в тюркских памятниках VIII – X вв. степей Западной Сибири и Алтая, у кимаков и родственного им населения, оставившего памятники сrostкинской культуры.

Второй тип, хронологически, вероятно, несколько более поздний, представлен проволочными серьгами в виде знака вопроса. На прямой конец серьги обычно накручена проволочная спираль или надета бусина. Этот тип серег также имеет многочисленные аналогии в памятниках кочевников Восточной Европы XII – XIV вв. Третий тип характеризуется серьгами со щитком на S-образном стержне. При изготовлении этих серег сначала отливали или делали из проволоки стержень. Затем верхний конец его расплющивали и продевали, вероятно, в восковую модель, по которой отливали щиток с гнездами для вставки камней. Снизу расплющенный конец стержня закручивался, как бы поддерживая щиток. Серьги этого типа распространены на Саяно-Алтае, в Средней Азии и Казахстане. По мнению А. А. Гавриловой, в конструкции этих серег, как и в конструкции поясов с обоями, отражены традиции таштыкской культуры.

Погребения, сочетающие черты язычества и мусульманства, исследованы также в Центральном Казахстане, в Семиречье, в Западном Казахстане. Надмогильные сооружения и погребальные камеры этих памятников разные. В них отражается различие в этническом составе оставивших их тюркоязычных племен. Так, захоронения Центрального Казахстана совершены в грунтовых ямах под каменными курганами, в Семиречье – под курганами с прямоугольными каменными оградками, конструктивно напоминающими курганы-оградки кимаков Восточного Казахстана IX – X вв., или земляными насыпями. В Западном Казахстане могилы обозначены оградками из сырцового кирпича. Оградки в Семиречье являлись, очевидно, как и в Заволжье семейными усыпальницами и содержали по несколько погребений. Погребения Центрального Казахстана совершены в прямоугольных, с закругленными углами могильных ямах, типичных для языческих погребений этого района, а захоронения в Семиречье – в грунтовых ямах с заплечиками, перекрытых на уровне заплечиков каменными плитами, или же в грунтовых ямах с подбоями, устроенными на уровне дна, вдоль юго-западных

стенок, и заложены сырцовым кирпичом. Изредка в этих погребениях находят хвостовые позвонки баранов – остатки положенных в могилы, согласно языческому обряду, курдюков.

Таково общее представление о скифском периоде древней истории согласно сформированным взглядам академической науки. Далее предполагаем более детально и внимательно взглянуть на ход исторических процессов скифского периода, используя для этого известные источники и мнения независимых исследователей. Шаг за шагом продемонстрируем конкретные исторические сведения, которые будут говорить сами за себя и раскроют истинную суть племени скифов, которые в результате нашего исследования явятся перед нами не ираноязычным народом, а непосредственными предками славяно-русов, т.е. русского народа. Мы намеренно опустили в этом разделе рассмотрение вопроса о языковой принадлежности скифов, так как считаем его решение со стороны академической науки в корне неверным. Но к этому вопросу мы не раз будем апеллировать по ходу исследования и раскроем его суть в главе 4.

II. О древности скифов

В качестве первого нашего источника о древнейших временах, связанных со скифами, предлагаем читателю Эпитуму Марка Юстина по произведению Помпея Трога «История Филиппа» (объем 44 книги). Сведения источника уникальны. Скифы, о которых мы знаем из официальной истории только с 7 века до н.э., оказывается, спорили с египтянами (одной из древнейшей цивилизации на планете) и воевали с ними из-за выяснения вопроса, кто является древнейшим племенем на земле. Вот вам и первая нестыковка с официальной точкой зрения науки. Свою же историю П. Трог начинает с древнейших времен и одновременно упоминает двух царей – египетского Везосиса и скифского Таная. Первый доходил военным походом до Понта, а второй до Египта. Оба они, как пишет автор, искали не власти для себя, а славы для своих народов. Это одно из важных упоминаний о древнейших скифах.

Сделаем сразу некоторые комментарии. В начале своей истории П. Трог несколько раз упомянул про скифов. Наверное, это неслучайно, так как скифы, по-видимому, играли уже в древнейшие века не последнюю роль на исторической сцене. Как видно из названия, книга посвящена непосредственно Филиппу (отцу Александра Македонского), его деяниям, но автор начинает повествование со скифов и рассказывает далее в первую очередь и очень подробно об их происхождении. Он говорит, что племя скифов всегда считалось самым древним (!). Доблестью мужчин скифы прославились не более чем доблестью своих женщин. Скифы основали царства парфян и бактрийцев, а их женщины положили начало царству амазонок. Вот ведь как было в реальности.

Между скифами и египтянами долго шел спор о древности их происхождения. Египтяне считали с полным основанием, что люди появились там впервые, где им легче было прокормиться, т.е. в Египте. Скифы напротив, полагали, что умеренность климата вовсе не есть доказательство древности. И насколько в Скифии климат суровее, чем в Египте, настолько же и сами скифы более сильны духом и телом. Рассуждая далее, скифы исходили из того, что, если огонь был первым состоянием всех вещей (от огня якобы произошел мир), и постепенно потухая, уступал место земле, то никакая иная часть суши не могла под влиянием холода ранее отделиться от огня, чем Север. В Египте же климат стал умеренным намного позже. Далее скифы полагали, если земля некогда была погружена в воду, то когда вода стала убывать, раньше всего вышли наружу возвышенные части, а на низменных вода задержалась гораздо дольше (судя по всему, речь о наводнениях, которые согласно эзотерическим сведениям трижды накрывали Египет за время существования Атлантиды, прим. автора). Чем раньше та или иная местность просыхала, тем раньше начинала производить живые существа. Скифия расположена настолько выше других стран, что все реки, которые берут свое начало там, впадают в Меотиду, а оттуда текут далее в Понтийское и Египетское моря. Поэтому Египет, по-видимому, страна с самым молодым по возрасту населением, царские сооружения (плотины и каналы) и наносы ила создали эту страну, самую юную из всех. Вот такими доказательствами скифы одержали верх над египтянами и с тех пор всегда считались самым древним народом на земле! Ни много, ни мало.

Скифия, по представлению автора, простиралась в восточном направлении и ограничена, с одной стороны Понтом (Черное море), с другой – Рифейскими горами (Северные Увалы, Северный Урал, прим. автора), а сзади – Азией и рекой Фасис. Земля у скифов была не размежевана, т.к. полей они не возделывали. Ни домов, ни других строений, ни постоянных жилищ у них не было. Они пасли стада мелкого и крупного скота, постоянно кочуя по невозделанным степям. Своих жен и детей они возили за собой в повозках, покрытых шкурами для защиты от дождей и холодов (как это делали древние русы и по Сказам Захарихи, прим. автора). П. Трог говорит далее, что справедливость – прирожденная их черта, а не предписанная им зако-

ном. Самое тяжкое преступление – воровство. Все это и порождало чистоту их нравов, ибо ничего чужого они не желали (в полном соответствии с ведическими традициями прошлого).

Скифы трижды добивались господства над Азией, а сами они либо оставались не затронутыми чужим владычеством, либо же оказывались не побежденными. Дария, царя персов, они с позором прогнали из Скифии. Кира Великого убили со всем его войском. Полководца Александра Великого – Зопириона точно также уничтожили со всей его армией. О римском оружии они только слышали, но на себе никогда его силы не испытывали. Парфянскую и Бактрийскую Державы они основали сами.

Первым, кто объявил скифам войну, был египетский царь Везосис. Но скифы, прознав про это, рассудили по-своему. Они не собирались ждать, когда враги доберутся до них. И т.к. они могут получить от врагов гораздо больше (нищие от богатых), то они решили пойти навстречу добычи. Царь египетский испугался и в страхе укрылся в своем царстве. Вторжению скифов в Египет помешали болота. Повернув обратно, они покорили Азию, сделав ее своей данницей, и то скорее в знак своего владычества. На покорение Азии скифы потратили 15 лет и были вызваны домой женами, которые передали им, что если они не возвратятся, то приживут потомство с соседями, чтобы не допустить пресечения рода скифов (обращаем внимание, что это не та известная легенда, изложенная Геродотом, см. ниже). В течение 1500 лет Азия платила дань скифам! Прекратил выплату дани ассирийский царь Нин. Древние историки утверждали, что первый период «скифского господства в Азии» продолжался полторы тысячи лет и завершился около 2054 г. до н.э.! *Получаем, что скифы начали властвовать в 3600 году до н. э.* А это время соответствует зарождению древнеямной археологической культуры в Причерноморье.

В своей истории П. Трог рассказывает и об амазонском царстве, которое, судя по всему, реально существовало (только на другой территории, чем указывал Геродот, см. ниже) и отличилось доблестью. История амазонского царства начинается с того, что двое юношей царского рода у скифов Плин и Сколопит были изгнаны из отечества вследствие происка вельмож. Это однозначно указывает на смену власти у скифов. По времени эти события археологически могут быть зафиксированы периодом 2000 г. до н.э., когда ямная культурно-историческая общность в Причерноморье была заменена катакомбной культурой. И другой историк П. Орозий это подтверждает. Юноши царского рода увлекли за собой множество молодых людей и поселились на берегу Каппадокии Понтийской около реки Гермодонта, заняв покоренную ими Темискирскую равнину. Отсюда же они долго совершали грабительские набеги на соседей, которые затем договорились между собой, заманили их в засаду и истребили.

Когда их жены увидели, что к изгнанию прибавилось еще и вдовство, то взялись за оружие и стали защищать свои владения. Сначала только оборонялись, а потом и сами стали нападать на соседей. От браков с соседями они отказались, говоря, что это будет не брак, а рабство. За гибель своих мужей они мстили избиванием своих соседей. Когда же они оружием добились мира, то стали вступать в кратковременные связи с соседями, чтобы их род не прервался. Если рождались мальчики, они их убивали. Девочек воспитывали по своему примеру. Приучали к оружию, к коням, к охоте, еще в младенчестве выжигали им правую грудь, чтобы не мешала стрелять из лука. Отсюда и произошло название «амазонок» – безгрудая (см. В. Татищева).

Покорив большую часть Европы, амазонки завладели так же некоторыми азиатскими государствами (П. Трог не говорит, к сожалению, ничего конкретного об этом, прим. автора). Но объединившиеся враги перебили их войско, которое охраняло власть над Азией во главе с Марпезией. Царицей стала ее дочь Синопа. Благодаря доблести этой правительницы амазонки прославились настолько, что тот царь, для которого Геркулес должен был совершить 12 подвигов, потребовал от него невозможного – принести оружие амазонской царицы. Для выполнения этого Геркулес и 9 его военных кораблей неожиданно напали на амазонок, когда те вели

войну вдалеке от родины. Победа досталась Геркулесу, и он взял в плен две сестры царицы. Одну Меналиппу он выменял и получил необходимое оружие.

Орития, вторая царица, воевавшая вдали от родины, призвала к мщению, заявив, что для них бесполезны покорения Понта и Азии, если они открыты для нападения, а вернее для грабительских набегов со стороны греков. Орития обратилась за помощью к скифскому царю Сагиллу, который послал на помощь амазонкам своего сына Панасагора. Но еще до битвы возник конфликт царского сына с амазонками, которые лишены из-за этого скифской помощи, потерпели очередное поражение от афинян. После Оритии царицей амазонок стала Пантесилия, которая во время Троянской войны пришла на помощь троянцам против греков. После этого амазонки существовали в своем царстве, отбиваясь от соседей, до времен Александра Македонского. Полученные сведения, как видим, немного отличаются от легенды, изложенной Геродотом в его Истории про амазонок. В академической среде в этой связи даже бытовало мнение о Геродоте, как о фантазере и выдумщике, что естественно надо было учитывать при изучении его трудов.

Кир Великий покорил всю Азию и подчинил весь Восток, а затем пошел войной на скифов. У скифов царицей тогда была Тамирис (эти скифы будут называться Геродотом массагетами). В войне с Киром она потеряла сына, а затем заманила Кира в ущелье и уничтожила войско Кира и его самого. После смерти Кира вспыхнула борьба за его престол. В результате обмана Дарий захватил власть, победил в войне Вавилон и повел войну со скифами.

Изложение П. Трога подтверждает также факт владычества скифов в Передней Азии в ходе их так называемого третьего похода (якобы погнались за киммерийцами в Азию и властвовали там 28 лет по Геродоту), когда скифы были в разлуке со своими женами и детьми в течение длительного времени (легенда Геродота про возвращение скифов из Передней Азии домой), то по возвращении домой из Азии, им пришлось на родине вести войну с рабами. Просто жены скифов решили, что мужья все погибли, и повыходили замуж за рабов, которые затем не захотели пускать скифов обратно. Была долгая война, но скифам посоветовали не воевать, а победить по праву господ – взять розги в руки и плети, что и внушило страх рабам, и они сдались (немного фантастическая легенда, не правда ли).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.